

Д. Рогозин

Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента

Композиция исследования

Бытует мнение, что социологи могут получить “любые цифры” в зависимости от того, как зададут вопрос. Это весьма лестное для специалистов утверждение: предполагается, что они до мельчайших тонкостей знают все “эффекты ответа” и умеют ими управлять. От формулировки вопроса действительно зависит очень многое. Вместе с тем, “конструируя” вопрос, исследователь оказывается перед проблемой совершенно иного рода, нежели проблема, удастся или не удастся ему получить “заказанные” распределения. Проблема

на самом деле оказывается более примитивной: поймет или не поймет респондент вопрос и сможет ли самостоятельно дать на него адекватный своему мнению ответ? А если мнения нет, сможет ли сам отвечающий или же интервьюер распознать отсутствие мнения, знаний, намерений? Получит ли исследователь информацию об интересующей его проблеме или нет и будут ли эти данные пригодны для анализа, зависит от того, как поведут себя люди в 1000, 1500 или 32 000 случаев (типичный размер выборки).

Осенью 2005 года в Фонде “Общественное мнение” был реализован проект по тестированию вопросов, входящих в стандартный социально-демографический блок. Ставилась задача: оценить адекватность используемых формулировок и определить возможные стратегии исправления ошибок. Этой статьей мы открываем серию публикаций по материалам данного методического проекта, выполненного усилиями К. М. Мануильской, Т. А. Петрушенко, М. В. Рассохиной и Д. М. Рогозина.

И. Климов

Теоретическая схема

Как правило, исследователь исходит из допущения, что интервьюер задает сформулированный им вопрос, респондент отвечает на него, и интервью не отклоняется от установленного сценария. Предполагается, что если изначально определить перечень вопросов, то разговор будет развиваться по установленной схеме. То есть вопросы зачитываются так, как они написаны, неадекватные ответы уточняются в нейтральной манере, без подсказки возможных вариантов, ответ записывается в точности так, как он произносится рес-

пондентом. При этом в ходе анкетирования интервьюер не высказывает никаких суждений по содержанию ответа [Maynard, Schaeffer. P. 7]. Респондент рассматривается как подобие “информационного агентства”, которое может выдать нужную справку по первому требованию, а интервьюер – как беспристрастный регистратор полученного от агентства сообщения. Однако “во всем этом легко увидеть произвольность и неточность, ибо индивиду в каждый момент разговора, по-видимому, доступен целый ряд действий, и выбор им конкретного решения – дело

свободного выбора по меньшей мере в данной ситуации» [Гофман. С. 610]. Такой взгляд на структурированное интервью подвергает сомнению его надежность и валидность, особенно если нам неизвестна степень понимания вопросов участниками диалога.

С методической точки зрения ситуация становится просто катастрофической, когда интервьюер или исследователь, выступающий в роли интервьюера, из беспристрастного наблюдателя сам становится реальным участником опроса, осуществляя свое «право свободного выбора», например классифицируя ответы и присваивая им определенные категории. В прошлом веке казалось, что произвола со стороны исследователя можно избежать, если *правильно регистрировать факты*. То есть если мы соблюдаем все необходимые условия корректной методической работы, это может сделать знание объективным и не зависящим от желаний, увлечений исследователя и тех, кто работает вместе с ним, и даже личного присутствия интервьюера в ситуации

сбора данных. Однако реальность вновь оказалась ироничной: принципы, которые должны «удерживать» объективность, на деле ее разрушают. Оказывается, что исследователь по-прежнему находится перед лицом опасности присваивать социальным объектам некие домыслы, но не столько свои собственные, сколько те, которые *принимаются научным сообществом*¹.

Вряд ли возможно представить массовый опрос, в котором исследователю удастся осуществить контроль над проведением всех интервью и тем самым заручиться уверенностью в их надежности². Даже тщательно разработанный инструментарий, соблюдение процедур и норм опроса не позволяют избежать основных смещений, возникающих в опросах общественного мнения (да и в большинстве социологических исследований, связанных с вопросно-ответной коммуникацией), – *эффекта ответов*. В самом общем виде эффект ответов – это разница между семантическим заданием, содержащимся в вопросе, и степенью адекватности той формы ответа, которую производит человек, выполняя вопросное задание. Сопутствующие ответу мысли и ассоциации респондента так и остаются вне поля зрения исследователя. Однако в речи отвечающего содержатся произвольные дополнения или пояснения, задающие контекст сообщения и снабжающие внимательного слушателя достаточной информацией для адекватного восприятия ответа. Такую информацию можно лишь тщательно собирать, но нельзя получать напрямую.

Любое определение, понятие, обычное и привычное всем слово, составляющее основу нашего вопроса (или – *операционального определения*, то есть используемого на практике, например «*Ваше образование?*», «*Ваш возраст?*»), попадая

¹ Областью «научной конвенции» очень часто оказываются не некие содержательные утверждения, а в первую очередь – методология исследовательского действия (хотя и здесь есть некие «школы» и традиции, в них методологический консенсус выражен отчетливее всего). Конечная задача – подбирать исследовательский (например опросный) инструмент, исходя из представлений о методологической, а не ситуативной адекватности, сохранять обособленность *методологических целей* от социального и событийного контекста. Подчеркнем: мы не рассматриваем ситуации, в которых исследователи заявляют о выполнении социальных заказов, служа актуальным социальным потребностям. Понимание «актуальности», сформулированное в качестве обособленного исследования, детерминировано саморефлексией некоторых профессиональных или целевых групп, редко – общества в целом.

² Мы намеренно оставляем в стороне «эффект исследователя» – разговор о субъективной роли исследователя при интерпретации им собранных данных.

в некую коммуникативную ситуацию, мгновенно обрастает ассоциациями, личностными смыслами, комментариями и метафорическими переносами (“*Ваш пол?*” – “мужской”, “женский”, “паркетный”, “это потолок”...). При постановке вопроса: “Как измерить X?” – наиболее сложным является не предмет, на который направлен вопрос, не *что* измеряется, а сам *процесс измерения*. Исследователь, придумывая вопросы, буквально сам создает объекты своего исследования: он спрашивает о “*доходах*”, а человек отвечает о “*заработке*”, и можем ли мы утверждать, что это в сущности одно и то же? Исследователь придерживается каких-то предположений, опирается на определенные модели и ожидает получить определенного рода данные. Но *спроектированный* им объект неизбежно отличается от *изучаемого* объекта³.

У нас нет и никогда не будет средств для описания и точного понимания того, что происходит с исследователем в “предпроектном” состоянии. Да это, наверное, и не особенно нужно – следует различать “процесс создания новой идеи, с одной стороны, и методы и результаты ее логического исследования – с другой” [Поппер. С. 28]. Мы можем изучать сам исследовательский процесс и описывать те сбои, сдвиги и смещения, которые возникают по ходу его осуществления. Например, у нас есть шанс описать процесс трансформации научных понятий, благодаря которому наши концепции последовательно приближаются к задаче изучения эмпирических объектов.

Сказанное в полной мере относится и к таким, казалось бы, простым и самоочевидным категориям, как пол, доход, возраст, образование и т. д. Предлагаемые ниже результаты исследования показывают, что исследователи, формулируя вопросы, так или иначе прибегают к *операционализации* – конкретизируют, доопределяют абстрактные понятия, тем самым приспособляя их под нужды конкретного проекта. Предлагаемая ваше-

му вниманию работа посвящена изучению проблем, которые возникают в связи с выбором того или иного способа работы с социально-демографическими вопросами.

Объект исследования

Большинство отечественных и зарубежных методистов относят доход, пол, возраст, образование к основным демографическим переменным. Иногда вопросы о социально-демографических характеристиках называют “вопросами о фактах” [Scholl. P. 143] вследствие их максимальной устойчивости и надежности, а также возможности найти внешние источники информации для оценки достоверности собранных данных.

Для нашего исследования были отобраны четыре группы вопросов, отражающих уровень социальной адаптации, доходов, образования и социальный статус респондентов. Подобную группировку нельзя отнести ни к демографическим,

С методической точки зрения ситуация становится просто катастрофической, когда интервьюер или исследователь, выступающий в роли интервьюера, из беспристрастного наблюдателя сам становится реальным участником опроса, осуществляя свое “право свободного выбора”, например классифицируя ответы и присваивая им определенные категории

ни к фактологическим переменным – мешает вопрос о социальной адаптации. Однако эти четыре признака тесно взаимосвязаны, и, как будет показано далее, их с полным правом можно отнести к социально-демографическим факторам, отражающим реальные характеристики населения.

³ Г.С. Батыгин, опираясь на схему Стефана Новака, впервые в отечественной научной среде показал базовое затруднение любого эмпирического проекта: различение спроектированного и изучаемого объекта является основной исследовательской проблемой. Примечательно, что разговоры о переходе к “качественной традиции” и к “понимающей социологии” отнюдь не снимают, а усугубляют разрыв между проектом и изучаемым объектом. Хотя природа этого в данном случае иная. Разговоры об отсутствии предварительного исследовательского плана и вхождении в реальность с “чистым сердцем” и “свободным от концептов” сознанием уже давно опровергаются в качественной традиции (на это указывают П. Атkinson, Д. Сильверман, М. Хаммерсли и др.), но по-прежнему остаются “общим местом” для многих отечественных исследователей.

Табл. 1. Социально-демографические вопросы

1. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, УДАЛОСЬ ИЛИ НЕ УДАЛОСЬ ВАМ НАЙТИ СВОЕ МЕСТО В СЕГОДНЯШНЕЙ ЖИЗНИ? (Один ответ.)
1. безусловно удалось 2. скорее удалось 3. скорее не удалось 4. безусловно не удалось 5. затрудняюсь ответить
2. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) СМОЖЕТЕ ИЛИ НЕ СМОЖЕТЕ В БЛИЖАЙШИЕ ГОД-ДВА ПОВЫСИТЬ СВОЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, ЖИТЬ ЛУЧШЕ, БОГАЧЕ, ЧЕМ СЕГОДНЯ? (Один ответ.)
1. безусловно смогу 2. скорее смогу 3. скорее не смогу 4. безусловно не смогу 5. затрудняюсь ответить
3. ОБРАЗОВАНИЕ
1. начальное или ниже 2. неполное среднее 3. среднее общее, ПТУ 4. среднее специальное 5. высшее, неоконченное высшее
4. КАКОВ ОСНОВНОЙ РОД ВАШИХ ЗАНЯТИЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ? (Карточка, поз. 1–11. Один ответ.)
1. работа в сельском или лесном хозяйстве 2. работа в сфере промышленного производства 3. работа в строительстве, на транспорте, связи 4. работа в системе государственного управления 5. работа в области культуры, науки, образования, здравоохранения, информации, финансов 6. работа в сфере услуг, торговле, коммунальном хозяйстве 7. военнослужащий, работник правоохранительных органов 8. пенсионер(-ка) ----- переход к В. №6 9. домохозяйка ----- переход к В. №6 10. временно не работающий(-ая), безработный(-ая) ----- переход к В. №6 11. учащийся, студент(-ка) ----- переход к В. №6 12. другое
5. КАКОВА ВАША ДОЛЖНОСТЬ, СЛУЖЕБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ? (Интервьюер! В. №5 не задавать тем, чьи ответы на В. №4 совпали с одной из позиций 8–11. Карточка №6, поз. 1–4. Один ответ.)
1. руководитель, зам. руководителя предприятия, учреждения 2. руководитель подразделения, специалист 3. служащий, технический исполнитель 4. рабочий 5. другое
6. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКИМ БЫЛ ДОХОД ВАШЕЙ СЕМЬИ В ПРЕДЫДУЩЕМ МЕСЯЦЕ В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА? _____ руб.

Конечно же, каждый тестируемый вопрос, каждая поднятая проблема требует самостоятельной детально разработанной экспериментальной программы. Быстрое, поверхностное прохождение по фундаментальным основам социального измерения имеет большие шансы превратиться в нагромождение новых и мало-значимых описаний. Поэтому к аргументам, изложенным в настоящей работе, следует относиться критически. Пауль Лазарсфельд не раз ссылаясь на критицизм как фундаментальное для науки качество [цит. по: Boudon. P. 12]. Критическая позиция сопровождала все серьезные начинания, наиболее полное методологическое оформление которых представлено в работах К. Поппера. К критическому же отношению мы призываем и читателя – без опровержения и фальсификации доводов нельзя говорить о выполнении нашей исследовательской программы.

Организация поля исследования

В июне 2005 года пять профессиональных интервьюеров Фонда “Общественное мнение”, специализирующихся на стандартизированных опросах, провели 30 коротких стандартизированных интервью (в среднем время интервью не превышало 10–12 минут), в которые были включены следующие вопросы (табл. 1).

После каждого тестируемого вопроса респонденту предлагалось ответить еще на два-три дополнительных:

- Почему Вы выбрали этот вариант ответа?
- Как Вы поняли этот вопрос? О чем он? Попробуйте сформулировать его своими словами.
- Расскажите, пожалуйста, где Вы учились, учитесь. Что окончили?
- Работаете ли Вы еще где-нибудь? Расскажите о своих работах.
- Расскажите, пожалуйста, как Вы подсчитали количество членов семьи.
- Перечислите всех членов семьи, которые проживают с Вами. Например, отец, брат, сестра, дочь и т. д.
- Расскажите, пожалуйста, как Вы подсчитали доход.
- Сколько Вы лично заработали в мае?

Была проведена серия *когнитивных интервью*, то есть интервью, целью которых было выяснить, какие мыслительные процессы кроются за ответом респондента на прозвучавший вопрос, насколько точно люди понимают вопросы и можно ли говорить об *устойчивой точности* (или неточности) в понимании одного и того же вопросного задания разными респондентами. Предполагалось, что интервьюерам удастся обсудить причины, по которым был выбран тот или иной вариант ответа, когнитивные и коммуникативные трудности, с которыми столкнулись респонденты в ходе опроса.

Поскольку все интервью были записаны на пленку, поле для анализа сохранилось без искажений. Кодированию и анализу подлежали *речевые сбои*, свидетельствующие о затруднениях и ошибках как в понимании, трактовке вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов, так и в ответах на них. Кроме того, проводился *компонентный анализ* – кодировались тематические компоненты исходного концепта, который и содержался в формулировке вопроса. В качестве единицы наблюдения был взят *анкетный* вопрос плюс один-два *дополнительных* вопроса. Соответственно, массив ответов состоял не из ответов всех респондентов (30 человек), а из ответов на все вопросы, задававшиеся респондентам. После этого массив был разделен на четыре смысловые части, которые анализировались по отдельности: вопросы о профессиональном статусе, вопросы о социальной адаптации, вопросы о доходе, вопросы об образовании.

Прежде чем рассматривать результаты тестирования по каждому из этих блоков (эти материалы будут публиковаться в следующих номерах журнала), следует обсудить *эффекты ответа* – смещения, ошибки и домысливания в фиксировании ответов, возникавшие по ходу диалога респондента и интервьюера.

Эффекты ответа

Следует различать ответ, сформулированный респондентом, и ответ, занесенный в анкету. На этом различии основана идея нашей диагностической процедуры – фиксировать изменения формы ответа по ходу возникновения *анкетного от-*

Табл. 2. Частота смещений от предполагаемого ответа

% к общему числу ответов

	Частота	%
Ответы без смещений	75	42
Ответы со смещениями	105	58
<i>В том числе:</i>		
Собственный дискурс	62	34,4
Изменение точки зрения	26	14,4
Сомнение в ответе	38	21,1
Отказ от ответа	26	14,4
Всего ответов	180	100

вета. Мы будем судить о смещениях на основании четырех параметров.

A1. Присутствие (или отсутствие) собственного дискурса, то есть любых рассуждений респондента, выходящих за рамки вопроса. Например, когда при ответе на вопрос о доходах респондент рассказывает о своей семье, работе, бедственном положении пенсионеров или невнимании к ним государства.

A2. Изменение (или отсутствие изменений) точки зрения по ходу ответа.

A3. Сомнения в ответе.

A4. Отказ от ответа хотя бы на один вопрос, основной или дополнительный.

Без отклонений от процедуры опроса были даны 75 из 180 ответов (42%). Остальные содержали хотя бы одно смещение: собственный дискурс респондента, не имеющий отношения к теме вопроса, изменение обозначенной в начале ответа точки зрения, сомнения в ответе или отказ от ответа на один из вопросов, задаваемых интервьюером (табл. 2).

Наиболее часто встречающееся смещение – включение в ответ собственного дискурса, выходящего за рамки вопроса. Респондент, реагируя на вопрос, произносит фразы, которые могут иметь, а могут не иметь отношения к семантическому заданию вопроса: вопрос требует получить лишь конкретную цифру дохода, а рассуждения о бедственном положении семьи хотя и содержательны и связаны с темой, но формально оказываются неуместны. Интервьюер же в данном случае выступает как интерпретатор прозвучавшей информации, ведь он классифицирует

ее по своему усмотрению на нужную, ненужную и должную быть занесенной в анкету.

Люди неизбежно рассказывают о чем-то своем, ведь интервьюер для них – не простой регистратор, заполняющий в нужном порядке опросные листы, а собеседник, с которым можно поделиться своими впечатлениями, переживаниями, проблемами. Вот характерный фрагмент интервью:

“Интервьюер: Как Вы думаете, сможет ли Ваша семья через год, через два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?”

Респондент: Честно сказать... [пауза] Честно сказать... [пауза] Все равно, ладно...

Интервьюер: Сформулируйте. Вы сами ответите как?

Респондент: Честно сказать, может быть, у детей удастся. А нам, пенсионерам, будущим пенсионерам, это будет тяжело. Потому что квартплата растет, свет растет, все растет. Вы сами знаете. И приходится очень тяжело в жизни. Говорю, если бы я знала определенность в работе своей, что я устроена на работу... Как раньше я работала: я заболела – я получила больничный. А сейчас я заболела – никому нужна не буду. И чтобы получить больничный – это целая проблема. Тем более когда работаешь вот так, спонтанно. Где-то там поработала, там поработала, нет определенного места. Я вот на бирже труда была восемь месяцев. Восемь месяцев! Где-то у меня бумажка валяется. Вот. И везде: “Позвоним.

Нам работники нужны. Позвоним”. Все, больше никаких разговоров у тебя нет. И получилось так, что я восемь месяцев отстояла – ничего себе не нашла. И ведь нам-то дают бумажку, куда-то я иду на работу, где требуются люди. В какие-то... [пауза] Ну и там вот если, например, требуется человек, но в такие места, в которых ты сама не захочешь работать. Не захочешь! Или какой-то там... [пауза] Так вот я в одно место приехала. Там, не знаю, половина пьяных женщин стоит, и думаешь: свяжешься с этой компанией – сама сопьешься. И тоже не хочется этого. И зарплата маленькая. Ну что, четыре-пять тысяч – вот твоя зарплата! Когда можно нелегально устроиться – и гораздо больше получать. Но здесь уже другой вопрос – пенсионный”.

Отступление от предложенных вариантов ответов, расширение обсуждаемой темы, включение в разговор дополнительных примеров и оценок означает, что тема вопроса является *интересной и значимой* для респондента. Однако следует различать *ассоциативные ряды*, возникновение которых стимулирует анкетный вопрос, и предполагаемые *варианты ответов* (так называемую систему закрытий), разработанные исследователем. Не каждый интересный вопрос будет адекватным и хорошо работающим в стандартизированной процедуре. Примером этого служит вопрос о роде занятий, вызывавший в нашем исследовании наибольший интерес у респондентов:

“Интервьюер: Каков основной род Ваших занятий в настоящее время?”

Респондент: Я работаю на предприятии, Первый автокомбинат. Ну, мне нравится работа. Ну, такая очень тоже немножко нервная работа, работа с людьми, но мне все равно нравится. Ну и зарплата, конечно. Хотелось бы лучше”.

Один ответ может содержать сразу несколько типов смещений. Так, в 27 из 180 ответов (15%) содержатся два из четырех возможных типов смещений (см. табл. 2), в 10 ответах (6%) – три, и в 68 ответах (38%) зафиксировано только одно какое-либо смещение.

Табл. 3. Доля смещений при разном их количестве в одном вопросе

% по столбцу

Эффекты ответа	Доля смещений в одном ответе			Всего, к числу всех смещений, %
	одно	два	три	
Собственный дискурс	57,4	29,6	23,3	40,8
Изменение точки зрения	10,3	18,5	30,0	17,1
Сомнение в ответе	10,3	40,7	30,0	25,0
Отказ от ответа	22,1	11,1	16,7	17,1

Табл. 4. Количество смещений в тестируемых вопросах⁴

% по строке – к числу всех смещений по каждому вопросу

Вопрос	Доля смещений в одном ответе			
	ноль (нет смещений)	одно	два	три
1. Место в жизни	50,0	36,7	13,3	–
2. Благополучие	43,3	36,7	13,3	6,7
3. Образование	46,7	36,7	16,7	–
4. Род занятий	30,0	43,3	20,0	6,7
5. Статус	46,7	43,3	10,0	–
6. Доход	33,3	30,0	16,7	20,0
Всего для 180 ответов, %	41,7	37,8	15,0	5,6

Единичное смещение в ответе – это, как правило, собственный дискурс (57,4%) или отказ отвечать на один из вопросов (22,1%). Два смещения встречаются в комбинациях: сомнение в ответе (40,7%) плюс обсуждение несвязанных с вопросом тем (29,6%) или же изменение первоначальной точки зрения (18,5%). Три смещения связаны в первую очередь с сомнениями в ответе и изменением точки зрения (по 30%). В добавление к этому респондент начинает дополнять, уточнять или обосновывать свой ответ и производит существенный объем текста, не предполагаемого заданием (табл. 3).

Отметим, что вопросы о профессиональном статусе содержат, как правило, одно смещение – собственный дискурс. А вот наибольшее количество смещений порождает вопрос о доходах: в 20% ответов на него имеются три смещения, а показатель ответов, не вызывающих методических нареканий, всего 33,3% (табл. 4).

По сравнению с остальными вопросами вероятность появления ошибок и смещений всех четырех регистрируемых типов в вопросе о дохо-

дах достаточно велика (табл. 5). Безусловно, есть вопросы, лидирующие по тому или иному типу смещений. Например, в вопросах о статусе чаще всего появляется собственный дискурс (78,9% от всех встречающихся в нем ошибок), в вопросах об образовании меняется первоначально высказанное мнение (42,9%). В вопросе о доходах, напротив, соотношение частот разного типа смещений более выровнено. Наиболее характерными позициями в этом случае являются “собственный дискурс” (35,1%) и “сомнение в ответе” (29,7%) (табл. 5).

Вторым по числу нареканий идет вопрос о роде занятий. Доля ответов без смещений здесь также невысока – 30% (табл. 4), и так же, как и в вопросе о доходах, в ответах респондентов на данный вопрос нередко одновременные смещения трех типов. При этом безусловным лидером среди ошибок является “собственный дискурс” – комментарии и рассказы о себе, своей биографии (67,7% – табл. 5). Кроме того, нередко были сомнения в ответе (25,8%), хотя фактически возможность поменять первоначально

⁴ Формулировки вопросов см. в табл. 1.

Табл. 5. Частотность обнаруженных смещений в тестируемых вопросах⁵

		Собственный дискурс	Меняется точка зрения	Сомнение в ответе	Отказ от ответа	Всего по строке
1. Место в жизни	Абс.	1	6	4	8	19
	%	5,3	31,6	21,1	42,1	
2. Благополучие	Абс.	8	2	5	10	25
	%	32,0	8,0	20,0	40,0	
3. Образование	Абс.	4	9	6	2	21
	%	19,0	42,9	28,6	9,5	
4. Род занятий	Абс.	21	2	8	0	31
	%	67,7	6,5	25,8	0,0	
5. Статус	Абс.	15	0	4	0	19
	%	78,9	0,0	21,1	0,0	
6. Доход	Абс.	13	7	11	6	37
	%	35,1	18,9	29,7	16,2	
Всего	Абс.	62	26	38	26	152

высказанную точку зрения респондент использовал крайне редко.

Третий по уровню затруднений вопрос – об ожидаемом уровне благополучия в будущем. В половине ответов на него также насчитывается до трех смещений одновременно (табл. 4). Здесь же фиксируются значительная доля отказов от ответа (40% от числа всех смещений), активный обмен репликами, появление произвольного, не предусмотренного вопросом высказывания (30%).

Возможно, эти вопросы объединяет неоднозначность и сложность вопросного задания, которая заставляет респондента отказаться от самостоятельного поиска ответа. Вместо этого человек в лучшем случае *обращается за помощью* к интервьюеру, а в худшем – *делегировать ему* право самостоятельно определить вид окончательного – анкетного – ответа.

В методической литературе добровольный отказ от собственной точки зрения получил названия “эффекта молчаливого согласия” [Javeline. P. 4] или “да-эффекта” [Мануйльская. С. 207]. Чаще всего передачу права ответа собеседнику провоцирует неоднозначность и нетипичность возникшей коммуникативной ситуа-

ции, которая, с одной стороны, требует некоего “выполнения заданий”, а с другой – предполагает соблюдение определенных и довольно специфических правил ведения диалога. Вряд ли в повседневных разговорах встречается задача определить, в какой отрасли человек работает, или подсчитать средний доход на человека в семье. Из-за непривычности задания появляются попытки развернуто обосновать ответ, или перевести вопрос на более привычный для респондента язык, или же открыто выразить сомнение как возможное оправдание за неправильный ответ и за готовность отказаться от первоначально высказанной точки зрения.

Резюме

Итак, проведение опроса оказывается далеко не простой и прозрачной процедурой. Заполнение анкеты – это сложный речевой и, более того, культурный акт, а не просто техническая процедура “регистрации фактов”. Даже самые “простые” и привычные профессиональному социологу вопросы вызывают среди респондентов обмен репликами, а иногда стимулируют пространные диалоги или собственную речь. Само по себе это естественно, однако в ситуации опроса приводит

⁵ Формулировки вопросов см. в табл. 1.

к интервьюерским ошибкам и смещениям в ответах, или – чтобы смягчить жесткость последнего утверждения – усиливает неопределенность ситуации и увеличивает вероятность появления содержательных и методических сбоев.

Наиболее распространенным типом смещений как раз и оказывается появление высказываний, не предусмотренных вопросным заданием. Причины – это, во-первых, выбор тех или иных стратегий аргументации ответа, которые могут варьироваться от заверений в полной обоснованности и точности ответа до возможности отказаться от первоначальной точки зрения. Во-вторых, это желание прояснить вопросное задание, уточнить смыслы тех или иных понятий, выяснить, как производить необходимые подсчеты, сколько ответов давать и почему “правильным” является ответ в анкете или в списке на карточке, а не тот, который первым пришел в голову.

“Эффекты ответа” – довольно обширная область методологических исследований. Без их изучения наши представления о вопросно-ответной коммуникации очень быстро обрастают иллюзиями о возможности контролировать процессы установления контакта с респондентом, поддерживать заинтересованность человека в опросе, оказывать помощь в процессе заполнения анкеты без риска вызвать “желательные ответы” или же смещения иного рода. С этой проблемой связано большое направление методической работы, связанное с изучением “эффекта интервьюера”. Однако перед нами стояла иная задача: выяснение системы личностных смыслов, ассоциаций и интерпретативных переходов, которые возникают в сознании респондента в связи с прозвучавшим вопросом. Что такое “благополучие”? Кого имеют в виду, когда говорят “член семьи”? Какие части тела представляет себе человек, когда он отвечает на вопрос о “болях в животе”? В последующих текстах мы предложим описание тематических компонентов некоторых часто задаваемых социологами вопросов – о доходе, о роде занятий и профессиональном статусе, о “социальном самочувствии” и образовании респондентов. ■

Продолжение следует

Литература

- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, О. А. Оберемко; Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Мануильская К. М. [Рец.] Петерсен Т. Полевой эксперимент в прикладных исследованиях: Das Feldexperiment in der Umfrageforschung. Frankfurt: Campus, 2002 // Социологический журнал. 2004. № 3/4.
- Поппер К. Логика научного исследования / Пер. с англ. А. Л. Никифорова; Под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Республика, 2004.
- Boudon R. Introduction // Lazarsfeld, P. On social research and its language / Ed. and with introduction by R. Boudon. Chicago: The University of Chicago Press, 1993.
- Javeline D. Response effects in polite culture: A test of acquiescence in Kazakhstan // Public Opinion Quarterly. 1999. Vol. 63. No. 1.
- Maynard D., Schaeffer N. Standardization and Its Discontents // Standardization and tacit knowledge: Interaction and practice in the survey interview / Ed. by D. W. Maynard, H. Houtkoop-Steenstra, N. C. Schaeffer, J. van der Zouwen. New York: John Wiley & Sons, 2002.
- Scholl A. Die Befragung: sozialwissenschaftliche Methode und kommunikationswissenschaftliche Anwendung, UVK Verlagsgesellschaft mbH, Konstanz, 2003.